ЛЕНИНГРАДСКАЯ МОЗАИКА СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Козловский Владимир Вячеславович,

*доктор философских наук, профессор,
директор Социологического института РАН –
филиала ФНИСЦ РАН,
заведующий кафедрой социологии культуры и коммуникации,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург.
E-mail: vvk_soc@mail.ru*

Браславский Руслан Геннадьевич,

*кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН – филиала ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург.
E-mail: r. braslavsky@socinst.ru*

Аннотация. Статья посвящена прояснению фактического положения и роли социологических школ в советский период, в частности, фиксируемой в российском социологическом сообществе Ленинградской социологической школы. Ее представители внесли значимую лепту в развитие советской социологии. Вопрос о «ленинградской» социологической школе позволяет проблематизировать исследовательскую ситуацию в использовании подходов к реконструкции и объяснению истории социологии в России, а также в трактовке процесса становления и развития российской социологии. Картина становления и развития советской социологии весьма противоречива. Имеющаяся литература дает совершенно разные истолкования советской социологии. В Ленинграде сформировался ряд социологических школ: ленинградская школа эмпирических исследований труда и производства (А. Г. Здравомыслов, О. И. Шкаратан, В. А. Ядов), ленинградская школа социологии науки (С. А. Кугель, И. А. Майзель, М. Г. Лазар, И. И. Лейман), ленинградская школа истории социологии

(Б. А. Чагин, И. А. Голосенко, А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров), ленинградская школа социологии молодежи (В. А. Лисовский, С. Н. Иконникова), ленинградская группа изучения СМИ (Б. М. Фирсов), ленинградская школа социологии семьи и сексуальности (И. С. Кон, С. И. Голод), ленинградская школа социальных исследований города (М. Н. Межевич, И. И. Сигов), ленинградская школа социального развития и планирования предприятий и регионов (В. Я. Ельмеев, Б. Р. Рященко, Е. П. Юдин). Возрождение социологии в советском обществе 1950-х гг. было обусловлено рядом внешних и внутренних факторов. Внешними по отношению к общественным наукам или обществознанию выступали экономические, социальные и политические императивы поздне- и послесталинского периодов. Внутренними факторами стали уровень образования населения, идеология, рост профессиональной квалификации, достижения науки, массовая культура, СМИ. Вторая половина XX века после почти тридцатилетнего перерыва с начала 1920-х гг. ознаменовалась созданием социологии в новом виде.

Ключевые слова: история советской социологии, реконструкция истории социологии, научная школа, социологические школы в Ленинграде, модернизация, региональные и территориальные центры социологии

MOSAIC SOCIOLOGY IN LENINGRAD

Kozlovskiy Vladimir Vjacheslavovich,

Doctor of Philosophy

Director Sociological Institute of the RAS –

*Branch Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,*

Head of the Chair of Sociology and Communication,

Saint Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia.

vvk_soc@mail.ru

Braslavskiy Ruslan Gennadievich,

Candidate of Sociology

Deputy Director of Research,

Sociological Institute of the RAS –

*Branch Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,*

Saint Petersburg, Russia.

r. braslavsky@socinst.ru

Abstract. The article is devoted to clarifying the real situation and the role of sociological schools in the Soviet period, in particular, about the Leningrad sociological school distinguished in the Russian sociological community. Its representatives made a significant contribution to the development of Soviet sociology. The question of the “Leningrad sociological school” allows problematizing the research situation in the use of approaches to the reconstruction and explanation of the history of sociology in Russia, as well as on the interpretation of the process of formation and development of Russian sociology. In Leningrad, a whole number of sociological schools were formed: the Leningrad school of empirical studies of labor and production (A. G. Zdravomyslov, O. I. Shkaratan, V. A. Yadov); the Leningrad school of sociology of science (S. A. Kugel, I. A. Mayzel, M. G. Lazar, I. I. Leyman); Leningrad school of sociology history B. A. Chagin, I. A. Golosenko, A. A. Galaktionov, P. F. Nikandrov); Leningrad school of sociology of youth (V. A. Lisovsky, S. N. Ikonnikov); Leningrad group of media studies (B. M. Firsov); Leningrad school of sociology of family and Sexuality (I. S. Kon, S. I. Golod); Leningrad school of social research of the city (M. N. Mezhevich, I. I. Sigov); Leningrad school of social development and planning of enterprises and regions (V. Ya. Elmeev, 1965–1968 – organizer and director of the Research Institute of complex social research at the Leningrad State University; B. Ryaschenko, E. P. Yudin). The revival of sociology in the Soviet society of the 1950s was due to a variety of external and internal factors. The economic, social, and political imperatives of the late and post-Stalin period were external to the social sciences or social studies. The internal

factors were the level of education of the population, ideology, the growth of professional qualifications, the achievements of science, mass culture, and the media. The second half of the twentieth century, after a break of almost thirty years since the beginning of the 1920s, was marked by the restoration of sociology in a new form. The picture of the formation and development of Soviet sociology is contradictory. The available literature gives completely different interpretations of Soviet sociology.

Keywords: soviet sociology history, reconstruction of sociology history, scientific school, sociological schools in Leningrad, modernization, regional and territorial centers of sociology.

Возрождение социологии в советском обществе 1950-х гг. было обусловлено рядом внешних и внутренних факторов. Внешними (экстернальными) по отношению к общественным наукам или обществознанию выступали экономические, социальные и политические императивы позднего и послесталинского периода. Внутренними факторами стали уровень образования населения, идеология, рост профессиональной квалификации, достижения науки, массовая культура, СМИ.

В определенном смысле вторая половина XX в. после почти тридцатилетнего перерыва с начала 1920-х гг. ознаменовалась воссозданием социологии, но в совершенно новом виде. Картина становления и развития советской социологии весьма противоречива. Имеющаяся литература дает совершенно разные истолкования советской социологии. Прежде всего предлагаются трактовки персонального вклада в развитие социологических исследований. Перечень известных имен советских социологов достаточно велик. Такой подход служит основанием для обозначения сформировавшихся в советское время социологических центров и школ. Существенное место в истории советской социологии, безусловно, занимает изучение ее отраслевых подразделений.

Более популярным и значимым направлением историко-социологической аналитики советского периода общественных наук является выделение региональных или территориальных

центров возникновения социологии, в частности: Москва, Ленинград, Урал (Свердловск), Казань, Киев, Новосибирск, Пермь, Ростов-на-Дону, Уфа, Тарту и др. Региональный подход с точки зрения выделения географически определяемых социологических школ (центров) наряду с персональным и предметно-отраслевым получил широкое распространение в анализе истории советской социологии послевоенного периода. На Ежегодной научной конференции ФНИСЦ РАН «Вехи развития отечественной социологии. 50-летие Института социологии РАН» (13 июня 2018 г., Москва) из четырех докладов, в названиях тем которых использовался термин «школа» (всего в программе конференции было 6 докладов), в трех социологические школы определялись по территориальному признаку («ленинградская», «екатеринбургская», «сибирские» социологические школы) и лишь в одном – по отраслевому критерию («российская школа молодежных исследований»). В последнем случае территориально-географический критерий также присутствует, но не на региональном, а на более высоком – национальном – уровне. Наряду с ленинградской школой выделяют другие территориальные школы советского периода. В их числе: новосибирская школа во главе с Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной [Заславская 1999; Социальная траектория реформируемой России... 1999; Бессонова, Шабанова 2000; Котельникова 2004], уральская школа во главе с Л. Н. Коганом, уфимская школа во главе с Н. А. Аитовым, пермская школа во главе с З. И. Файнбургом.

Цель данной статьи состоит в прояснении фактического положения и роли социологических школ в советский период. В частности, речь идет о фиксируемой в российском социологическом сообществе Ленинградской социологической школе, представители которой внесли значимую лепту в развитие советской социологии. Вопрос о «ленинградской» социологической школе позволяет проблематизировать исследовательскую ситуацию в использовании подходов к реконструкции и объяснению истории социологии в России, а также в трактовке самого процесса становления и развития российской социологии [Научные направления и научные сообщества...

2014]. В отношении средств описания и объяснения могут быть заданы, например, такие вопросы как: Почему столь широкое распространение получило понятие «научной (социологической) школы»? Насколько обоснованно его использование? Как «школьный» подход соотносится с другими способами анализа? В отношении изучаемого процесса этими вопросами могут быть: О чем свидетельствует наличие или отсутствие научных школ в национальной традиции той или иной научной дисциплины? Какие другие формы социальных группирований ученых существуют? Как с ними соотносятся научные школы?

Отвечая на первую группу вопросов, замечен контраст между способами описания российской социологии дореволюционного и советского периодов [Социология в России 1998]. Заметно различие между способами описания российской социологии дореволюционного (середина XIX в. – начало XX в.) и позднесоветского (конец 1950-х – 1991 гг.) периодов. Если дореволюционная социология структурируется, главным образом, по теоретико-методологическим направлениям (см., напр.: [Кареев 1996; Социологическая мысль в России... 1978; Голосенко, Козловский 1995; Новикова 1996; Российская социология... 1999; Развитие социологии в России 2006]), но также по социально-ценностным ориентациям [Козловский 1997] и по изучавшимся социальным проблемам [Голосенко 2002, кн. 2], то к советской социологии применяются территориально-географический и предметно-отраслевой подходы (и тот и другой достаточно полно представлены, например, в сборнике [Вехи российской социологии... 2010]). Использование различных классификационных схем к разным этапам истории отечественной социологии, с одной стороны, затрудняет целостное восприятие истории отечественной социологии – с другой, оно, как предполагается, соответствует интеллектуальной и институциональной разрывности реального процесса развития социологии в России и специфике каждого из ее этапов. Эти различия в подходах связаны как с характером самого процесса развития социологии в России, так и с особенностями его восприятия исследователями.

Безусловно, исследовательская ситуация в изучении дореволюционного и позднесоветского (1950–1980-е гг.) периодов

истории социологии в России существенно различаются в силу разности самой исторической дистанции, отделяющей современного исследователя от объекта его изучения. Современная историография социологии поздне-советского периода создается во многом ее непосредственными участниками, что придает ей характер ретроспективного самоописания, становящегося отчасти продолжением самого описываемого объекта, пополняя корпус источников и «совокупный текст» (Г. С. Батыгин) самой советской социологии, казалось бы, уже за формально-хронологическими рамками ее существования. Не только мемуарные повествования, но и историко-исследовательские, метааналитические по своему характеру произведения, написанные участниками прошлых событий, содержат свидетельства и интерпретации, которые составляют эмпирические материалы для дальнейших исследований по истории советского периода российской социологии. В процессе «историоизации» советской социологии участвуют также представители постсоветских когорт социологов (получивших профессиональное образование в 1990-е гг. и позже), но в значительно меньшей степени по сравнению с представителями старших поколений.

В целом отечественная реконструкция истории послевоенной советской социологии носит пока фрагментарный характер – по отдельным исследовательским областям [Социология в России... 1998], научным учреждениям (например, [Бороноев 2014]) или научным школам (группам ученых), описываемых теми, кто непосредственно участвовал в их формировании и развитии. Работ, посвященных целостному рассмотрению феномена советской социологии 1950–1980-х гг., все еще немного (некоторые из них: [Shalin 1978; Novikov 1982; Greenfeld 1988; Shalin 1990; Альберг 1994; Батыгин 1998; Фирсов 2001; Фирсов 2012; Titarenko, Zdravomyslova 2017]).

Различные регионы различались между собой условиями для развития социологических исследований. Социология в виде эмпирических исследований в регионах представляла собой движение научных работников и представителей производства при поддержке регионального и местного партийного

руководства [Тощенко 2010]. «Низовое» зарождение социологических исследований, еще даже без упоминания самого слова «социология», напоминает возникновение земских исследований, которые стали частью земского движения в пореформенной России XIX в. [Беляева 2004: 39–48].

В литературе упоминаются несколько ленинградских социологических школ: «ленинградская социолого-науковедческая школа» [Ащеулова 2010]; «ленинградская школа историков русской социологии» [Бороноев, Синютин 2008]. В Ленинграде были представлены три институциональных сектора социологии: академический, вузовский и заводской. В этом ряду целая плеяда ленинградских ученых, работавших в русле исторического материализма: В. П. Рожин, В. П. Тугаринов (научный руководитель В. А. Ядова и В. Я. Ельмеева в годы их учебы в ЛГУ), А. В. Дроздов и др. С нашей точки зрения, утверждение о существовании Ленинградской социологической школы слабо обосновано и отражает групповой характер оценки исторического прошлого в советской социологии. Мы предлагаем иное измерение роли развития социологии в Ленинграде и места ленинградских социологов в советской социологии 1956–1989 гг. Фактически единой ленинградской социологической школы не было. Возникли и существовали отдельные группы и направления, занимавшиеся в той или иной мере социальными исследованиями. Даже перечень ученых, внесших вклад в становление социологии в Ленинграде, показывает, что фактически палитра имен социологов крайне многообразна.

Таким образом, в Ленинграде сформировался ряд социологических школ: ленинградская школа эмпирических исследований труда и производства (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, О. И. Шкаратан, Б. И. Максимов), ленинградская школа социологии науки (С. А. Кугель, И. А. Майзель, М. Г. Лазар, И. И. Лейман), ленинградская школа истории социологии (Б. А. Чагин, И. А. Голосенко, В. М. Зверев, В. И. Клушин, А. А. Галактионов, П. Ф. Никандров), ленинградская школа социологии молодежи (В. А. Лисовский, С. Н. Иконникова), ленинградская группа изучения СМИ (Б. М. Фирсов), ленинградская школа социологии семьи и сексуальности (И. С. Кон,

С. И. Голод), ленинградская школа социальных исследований города (М. Н. Межевич, И. И. Сигов), ленинградская школа социального развития и планирования предприятий и регионов (В. Я. Ельмеев, 1965–1968 гг. – организатор и директор НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ; Б. Р. Рященко, Е. П. Юдин).

Институционально некоторые социологические школы, а фактически группы, центры, сообщества создавались в Ленинградском госуниверситете, где социология была представлена на философском факультете (исторический материализм, научный коммунизм, а также основанная в 1962 г. социологическая лаборатория под руководством В. А. Ядова) и был учрежден в 1965 г. Научно-исследовательский институт конкретных социальных исследований (НИИКСИ) [Бороноев, Захарова 2016]. Ряд социологических лабораторий или групп были организованы на крупных предприятиях, либо в качестве подразделений при Ленинградском областном комитете КПСС. В Ленинградском секторе Института философии Академии наук проводились социологические исследования проблем семьи, например, в группе А. Г. Харчева работали В. Б. Голофаст, С. И. Голод, А. А. Клецин, И. С. Кон и др., по истории социологии в группе Б. А. Чагина трудился И. А. Голосенко. В 1968 г. в структуре Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР был создан сектор социологии науки (Ю. С. Мелешенко, С. А. Кугель).

Наличие социологических групп и центров как школ в северной столице, то есть множества ленинградских социологических школ свидетельствует об отсутствии некоей единой ленинградской социологической школы, представленной, по мнению коллег, в эталонном тексте ленинградской социологии – монографии «Человек и его работа» (1967) [Ленинградская... 1998: 9]. Полагаем, что данное утверждение является преувеличением авторов данного сборника. Иными словами, та или иная ленинградская школа – это прежде всего группа или несколько соперничавших групп исследователей избранного научного направления. Мы лишь частично согласны с утверждением А. О. Бороноева:

«Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – один из регионов, где рождалась и возрождалась отечественная социология. Возрождение социологии в Ленинграде, как и в целом в стране, началось с 1960-х гг., [Lane 1970; Shalin 1978, 1990; Альберг 1994; Shlapentokh 1987; Weinberg 2004; Осипов 2004, 2010]. В основном, по мнению А. О. Бороноева, развивались два направления: историко-социологические и эмпирические исследования различных сфер жизни и социальных отношений советского общества» [Бороноев 2008: 64]. В действительности таких направлений фактически было гораздо больше. Поэтому следует говорить именно о сегментированности социологического исследовательского поля в Ленинграде, о разных

Рис. 1. Социология в Ленинграде (1956–1989 гг.)

исследовательских группах и центрах, занимавшихся различной проблематикой: труда, работы, производства, подготовки кадров, города, социального планирования и т.д. Все они занимают свое место, образуют стихийно сложившуюся ленинградскую мозаику советской социологии.

Общим контекстом развития социологии в Ленинграде послужили социально-экономические, социальные и политические обстоятельства, в которых находились советское общество и государство. Внешнеполитические условия противостояния с капиталистическим окружением диктовали запрос на быстрый рост индустрии, экономическую эффективность всего народного хозяйства. Сталинская модель партийно-государственного строительства, программа модернизации государства, промышленности, культуры в послевоенное время практически исчерпала себя. Она была мобилизационной, настроена исключительно на военный лад. В послевоенное время эта модель подверглась радикальной трансформации сверху. Идеологически система партийно-государственного руководства страной мало изменилась. Однако советское общество нуждалось в радикальной перестройке экономики, в масштабной индустриальной экспансии, повышении благосостояния различных слоев населения.

Резко ускорился процесс урбанизации. Именно в 1962 г. произошел перелом в соотношении сельского и городского населения в СССР (220 млн. человек), в котором доля городского населения (111,2 млн) составила больше половины всего населения. При этом в РСФСР, по данным переписи 1959 г., все население было 117534315 человек, из которого городское составило 52,4% (62,1 млн. человек), а сельского – 55,5 млн. человек. Структура населения отражает резкие перемены в советском обществе, требовавшие изучения нарастающих проблем в народном хозяйстве, реформировании образования, повседневной жизни, общественном сознании.

Социология в СССР полностью институционализировалась в качестве самостоятельной полноценной научной дисциплины только к концу советского периода – конец 1980-х гг. Социология была связана с реформистским проектом социализма.

Альтернативой ему стала выросшая в экономике радикальная версия построения капитализма (Е. Т. Гайдар и др.). Это была группа экономистов, которые еще в 1980-е гг. пришли к убеждению о неререформируемости социалистической экономики. Но Советский Союз был разрушен не ими, а идеологами, ратовавшими за обновленный социализм [Коткин 2018]. Партийно-советская идеологическая машина, с одной стороны, ограничивала и принуждала советских ученых думать и писать в определенном русле, но с другой – вынуждена была допустить меру свободы в новейших социальных и гуманитарных изысканиях. Гегемония партийно-советской политической системы требовала обновления. Плавильный котел социологической мысли и социологических исследований неизбежно включал обнаружение и оценку реальных проблем советского общества [Гоулднер 2003]. В этих условиях практически заново возникли социологические центры, группы, лаборатории в различных регионах Советского Союза. Ряд из них получил статус социологических научных школ. В настоящее время это один из спорных вопросов в историографии советской социологии.

Научные школы в социологии

Существуют различные варианты выделения структурных единиц науки: научная дисциплина, исследовательская область, научное сообщество, научное направление и т.д., среди которых – и научная школа. Что представляет собой научная школа как структурная единица научной деятельности в когнитивном, организационном и коммуникационном аспектах? Феномен научной школы довольно подробно рассмотрен в специальной литературе [Организация научной деятельности... 1968; Коммуникация в современной науке... 1976; Школы в науке... 1977]. В числе признаков научной школы выделяют наличие общих методологических принципов и подходов (исследовательская область или исследовательская программа); научных достижений, признанных сообществом (научная продуктивность и признание); устойчивой межличностной коммуникации (неформальное сообщество); ярко выраженного одного

или нескольких лидеров (научное лидерство), последователей и учеников; локальной институциональной среды (например, принадлежность к университету или иной научно-исследовательской организации); центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издание журнала); общих профессионально-этических установок (этос и идентичность) [Зборовский 2003: 328–329; Социальная траектория реформируемой России... 1999: 121–122]. Некоторые из выделенных признаков научной школы свойственны другим структурным единицам науки, однако для научной школы характерно их особое сочетание.

В историко-аналитических реконструкциях развития социологии выделяют такие структуры, как «школы мысли». Так, П. А. Сорокин использовал понятие школы для классификации обширного множества отдельных социологических теорий, совершенно игнорируя при этом биографии их авторов. При этом он подчеркивал чисто технический, а не принципиальный характер приводимой им классификации социологических школ. Таким образом, социологические школы предстают как исключительно когнитивные структуры. Те или иные отдельные теории объединяются в одну школу на основании сходства их фундаментальных принципов [Sorokin 1928: XX–XXII]. В данном контексте проблема выделения «школ» в социологии сближается с задачей классификации знаний и их разделения.

Однако научная школа – это не исключительно когнитивная структура, но еще и социальная структура научной деятельности, это определенный тип научного сообщества. Обязательным критерием является наличие личного общения между членами школы, в том числе связанных отношениями «учитель – ученик». Наличие межличностной коммуникации сближает научную школу с научным кружком, или научным семинаром, и отличает ее от научной традиции, или научной парадигмы в том смысле, который придавал этому термину Т. Кун. Для научной школы характерна неформальная передача знания в исследовательском процессе. Распространенность и важность научных школ в советский период была связана с недостаточной

степенью «дисциплинаризации» социологии, когда наличие межличностной коммуникации между учеными обеспечивало обмен научной информацией и создание сетей солидарности.

В то же время для возникновения и существования научной школы важна еще встроенность межличностной коммуникативной сети в локальную институциональную среду, обеспечивающую устойчивость личных контактов в относительно длительном процессе исследования и подготовки научных кадров. Научная школа возникает в условиях дисциплинарной организации науки, обеспечивающей единство исследования, преподавания и профессиональной коммуникации. В отличие от научного кружка научная школа – феномен дисциплинарной организации науки. Школа предполагает соединение исследования (производства знания) и образования (передачи знания), что само по себе составляет феномен научной дисциплины как базовой институционально-организационной формы современной науки. Устойчивость и институционализация комбинации исследования и преподавания обеспечивается дисциплинарной организацией науки. Поэтому научная школа – это дисциплинарный или, по крайней мере, протодисциплинарный феномен (случай, когда научная школа возникает и существует в институциональном контексте уже сложившейся другой научной дисциплины, например, социология на экономическом или философском факультете). Научная школа формируется и воспроизводится в определенной локальной институциональной среде. Систематичность передачи знания становится возможной в результате интеграции науки в систему высшего образования, университетскую систему. Без этой интеграции научные кружки и научные семинары не перерастают в научные школы. Как правило научная школа формируется на базе какого-либо научно-исследовательского или научно-образовательного учреждения (университета, института) (например, Франкфуртская школа на базе Франкфуртского института социальных исследований, Чикагская школа на базе Чикагского университета). В то же время школа может быть не привязана раз и навсегда к конкретной институции, локальному институциональному контексту.

В советское время точно также на базе различных научно-образовательных учреждений стали стихийно и организованно формироваться научные социологические школы, в частности, в Ленинграде. Следует отметить, что в условиях слабо институционализированной социологии шла борьба за лидерство и признание, в которой сложились группы под неформальным и формальным руководством завоевавших авторитет вышеназванных ученых. Это можно считать соперничеством за символический капитал в поле советской социологии. Проблема научных школ в современной российской социологии становится одной из ключевых, поскольку непременно возникает вопрос об результативности, эффективности и полезности фундаментальных и прикладных социологических исследований в академической сфере.

«Золотой век» советской социологии

Ярким примером общественного признания результатов социологических школ в Ленинграде, в других городах и регионах в советский период является, по мнению самих участников, «золотой век» советской социологии. Примечательно размышление Р. В. Рывкиной (1994 г.) о сопоставлении двух социологий – советской (от начала 1960-х гг. до начала 1990-х гг.) и российской (за первые три года постсоветской России) и о дальнейших путях социологии от «золотого века» в советские времена при цензуре назад, в дикость, о четырех причинах ее попятного развития, среди которых: ломка экономических отношений, деинституционализация, патологический темп изменений, отчужденность. Она подчеркивает: «...Есть некое противоречие, бьющее в глаза, в оценках нашей социологии советского этапа, всего 30-летия у тех людей, которые работали и оценивали ее в период Советского Союза, и сегодняшними оценками Ядова и других социологов». Сдвиг и разрыв в тех оценках, которые давали крупные ученые тогда и делают сегодня, Рывкина объясняет тем, что Ядов, Фирсов, Шубкин рассматривают социологию 1960–1980-х гг. на фоне тех процессов, которые идут в ней в 1990-е гг. Для индексации она

предлагает пять индикаторов, характеризующих перемены в социологии: материальное положение науки; состояние научного сообщества; характер методологии в разные времена; характер воспроизводства кадров; наличие прикладных результатов, отдача практике. По ее мнению, «в советские времена социология была социальным институтом, т.е. была особого рода общностью, субъектом» [Ленинградская социологическая школа... 1998: 46, 49]. Получается, что в 1990-е гг., несмотря на зрелый этап институционализации российской социологии, она пятится назад. Подобный вывод знаменателен, характеризует совершенно новую парадоксальную ситуацию в современной российской социологии и, безусловно, требует критического рассмотрения.

По признанию одного из основателей советской социологии, В.А. Ядова (1994): «...У нас в институте (Институт социологии РАН – прим. авторов) вместе с «Социологическим журналом» мы проводили круглый стол по истории советской социологии, где собрали ведущих социологов. Участвовало человек пятнадцать, и надо сказать, что не было и двух человек, которые были бы солидарны в понимании прошлого. Один видел это как диссидентство. Другой как науку, которую приручала партия. Третий – как борьбу разных школ внутри сообщества. Четвертый говорил, что социологи, как собаки, делятся на служебных, охотничьих и декоративных. Мое выступление сводилось к тому, что никто правдивую историю не напишет: она видится с разных точек зрения по-разному. В Новосибирске она виделась не так, как в Москве, которая была под большим прессом. Ленинград, кстати, был счастлив тем, что у нас был пресс, но все-таки поменьше и на своем, так сказать, ленинградском уровне...». Его прогноз: «Развитие нашей социологии зависит от ситуации в стране, от наших традиций, советских и российских». Его вывод о том, что нынешнее поколение прагматично и будет ориентировано на решение практических проблем общества, вполне реалистичен [Ленинградская социологическая школа... 1998: 14–15].

В качестве подтверждения разногласия в оценках советской социологии приведем амбивалентную оценку, которую

дает Б. М. Фирсов, полагая, что «советская социология, согласно официальной версии, получила право на жизнь в качестве помощника партии», но, по его же мнению, «...можно сказать, что социология 1960-х годов по своему духу была демократической, что многие публикации социологов действительно содержали серьезное критическое начало» [Ленинградская социологическая школа... 1998: 19, 20]. И. С. Кон стремится дать объективную картину, выделяя в развитии советской социологии три этапа, подчеркивая значение этой истории для сегодняшнего самосознания. Его оценки весьма скептичны: первый этап – период энтузиазма, подъема 1960-х, когда было много иллюзий вокруг социологии и внутри социологии, что выражалось в общественном образе социолога – «какой это замечательный человек». Он считал, что разочарование пришло уже в период застоя, потому что обыденное сознание пошло дальше [Ленинградская социологическая школа... 1998: 57, 60].

«Золотой век» формирования и развития советской социологии, в том числе социологии в Ленинграде в силу развитой культуры андеграунда в художественной и научной среде города, по мнению В. В. Костюшева, вполне правомерно может описываться и анализироваться как особое общественное движение. Он подчеркивает: «...это интеллектуальное течение (становление социологии) в советской науке в 1960-е годы и ее развитие в 1970–1980-е годы вполне оправданно рассматривать как общественное движение – латентное общественное движение, обладающее развитой внутренней идентичностью в сознании его участников – профессиональных социологов, развитыми социальными сетями (неформальными коммуникационными взаимодействиями), устойчивыми воспроизводимыми практиками коллективных действий, не только собственно исследовательских, но и гражданских, в том числе протестных, осуществляемых в условиях скрытого, а иногда и явного социального конфликта» [Ленинградская социологическая школа... 1998: 8]. Подобные оценки социологии в Ленинграде подводят к выводу о наличии различных школ, сообществ и сетей. В частности, И. С. Кон сомневается о наличии социологической школы в Ленинграде: «Если говорить о школе с лидером,

с учениками, с единой системой взглядов, то конечно – такой школы не было» [Ленинградская социологическая школа... 1998: 57].

Симптоматично размышление В. А. Ядова о типичной для нашей социологии последних 40 лет ленинградско-петербургской истории [Ядов 1998, 2014]. Он отмечает важность истоков социологии: «Это характерно для всей, не только ленинградской социологии. ... Социологи сами по себе из разных наук произрастали – из философии, экономики, математики, психологии», выделяя два направления: *первое – просветительское* «... было менее плодотворным, хотя вклад его нельзя не оценить, как очень весомый»; *второе – исследовательское*, «которое формировалось в Ленинграде, исходило из принципа связи теории с эмпирическим знанием», поскольку достичь этого подлинного, серьезного знания об обществе можно с помощью надежных методов современной науки [Ленинградская социологическая школа... 1998: 11, 13].

Исторические свидетельства развития социологии в Ленинграде убеждают в отсутствии Ленинградской социологической школы и подтверждают восхождение нескольких вполне равноправных, но разных по тематике и значимости социологических школ. Социология развивалась в России с середины XIX столетия, с разрывом в революционное время и формированием в послевоенное время целого ряда социологических центров. Фактом остается то, что была социология в дореволюционном С.-Петербурге, Петрограде, Ленинграде и, наконец, в постсоветском Санкт-Петербурге.

Список литературы

- Альберг Р. Реабилитация социологии в Советском Союзе // Рубеж. 1994. № 5. С. 88–114.
- Ащеулова Н. А. Социология науки в Ленинграде – Санкт-Петербурге: от истоков до современности // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 15–31.
- Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова.

- 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 23–44.
- Беляева Л. А. Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: Учебное пособие. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 405 с.
- Бессонова О. Э., Шабанова М. А. Новосибирская экономико-социологическая школа в российской социологии // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 79–88.
- Бороноев А. О. Социологические исследования в Ленинграде – Санкт-Петербурге (1960–1990-е годы) // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 64–69.
- Бороноев А. О. Социология и социологическое образование в Санкт-Петербургском государственном университете: к 25-летию факультета социологии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. – 263 с.
- Бороноев А. О., Захарова Е. М. Пятьдесят лет Научно-исследовательскому институту комплексных социальных исследований (НИИКСИ) // Общество. Среда. Развитие. 2016. № 1. С. 31–34.
- Бороноев А. О., Синютин М. В. Ленинградская школа историков русской социологии (1950–1980) // Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века / Сер. «Российская социология». Выпуск 4 / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 6–41.
- Веги российской социологии. 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010. – 664 с.
- Голосенко И. А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России. Избранные сочинения в 2-х книгах / Под ред. В. В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2002. – 304 с.
- Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995. – 288 с.
- Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. – 575 с.
- Заславская Т. И. Развитие новосибирской экономико-социологической школы: формирование новой методологии изучения российского общества // Социальная траектория

- реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999. С. 15–108.
- Зборовский Г. Е.* История социологии: классический и современный этапы: Учебник для вузов. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. – 872 с.
- Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. – 369 с.
- Козловский В. В.* Дилеммы дореволюционной российской социологии // Российская социология. Историко-социологические очерки / Под ред. А. О. Бороноева, В. В. Козловского. М.: Изд-во РГГУ, 1997. С. 8–31.
- Коммуникация в современной науке: Сборник переводов / Составление, общая редакция и вступительная статья Э. М. Мирского и В. Н. Садовского; пер. с англ. М. К. Петрова и Б. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1976. – 438 с.
- Котельникова З. В.* Новосибирская экономико-социологическая школа // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 1. С. 91–104.
- Коткин С.* Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 240 с.
- Ленинградская социологическая школа (1960-е – 1980-е годы). Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 23–25 сентября 1994 г. Отв. ред. В. В. Костюшев. М.; СПб.: Российское общество социологов, Санкт-Петербургская ассоциация социологов, Инст-т социологии РАН, 1998. – 175 с.
- Научные направления и научные сообщества в современной российской социологии. Размышления о научной школе» // Вестник Института социологии. 2014. № 2 (9). С. 11–35.
- Новикова С. С.* История развития социологии в России: Учебное пособие. М.: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 288 с.
- Осипов Г. В.* Возрождение российской социологии (60–90-е годы XX века): страницы истории // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 24–30.

- Осипов Г. В. Возрождение социологии в России: как это было на самом деле. СПб.: СПбГУП, 2010. – 40 с.
- Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. Е. И. Кукушкиной. М.: Высшая школа, 2006. – 456 с.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. – 683 с.
- Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 1999. – 736 с.
- Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / Под. ред. Б. А. Чагина. Л.: Наука, 1978. – 416 с.
- Социология в Ленинграде – Санкт-Петербурге во второй половине XX века / Сер. «Российская социология». Выпуск 4 / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 364 с.
- Социология в России. 2-е изд., испр. и дополн. / Под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – 696 с.
- Фирсов Б. М. История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. – 294 с.
- Фирсов Б. М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки: [учебное пособие]. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2012. – 476 с.
- Ядов В. А. Круглый стол: «Размышления о научной школе» // Вестник Института социологии. 2014. № 9. С. 11–35.
- Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in Soviet Union // Annual Review of Sociology. 1988. Vol. 14. Pp. 99–123.
- Lane D. Ideology and Sociology in the USSR // The British Journal of Sociology. 1970. Vol. 21, No 1. Pp. 43–51.
- Novikov N. The sociological movement in the USSR (1960–1970) and the institutionalisation of Soviet sociology // Studies in Soviet Thought. 1982. Vol. 23. No. 2. Pp. 95–118.

- Shalin D.* The development of Soviet sociology: 1956–1976 // Annual Review of Sociology. 1978. Vol. 4. Pp. 171–191.
- Shalin D.* Sociology for the Glasnost' Era: Institutional and substantive changes in recent Soviet sociology // Social Forces. 1990. June. Vol. No. 4. Pp. 418–435.
- Shlapentokh V.* The politics of sociology in the Soviet Union. Boulder: Westview Press, 1987. – xxi + 313 pp.
- Social thought in the Soviet Union / Ed. by A. Simirenko. Chicago: Quadrangle Books, 1969. – 439 pp.
- Titarenko L., Zdravomyslova E.* Sociology in Russia: A Brief History. New York: Palgrave Macmillan, 2017. 163 pp.
- Weinberg E.* Sociology in the Soviet Union and Beyond: Social Enquiry and Social Change. Burlington, Vt.: Ashgate, 2004. xvi + 199 pp.